

Глава 1

Лондон, май 1817 года

Лондонская ночь полна звуков. Босая простоволосая девушка быстро шла, почти бежала, изо всех сил стараясь не отвлекаться на посторонние шумы, пока не услышала стук кареты. Гулкий топот копыт неумолимо приближался, а фонари отбрасывали причудливые тени на темный тротуар.

Леди Мара Сент-Брайд замерла. В карете могли быть люди высшего света. Такие, как она. Можно было попросить о помощи.

Но к чему ей безопасность, купленная ценой погубленной репутации? Нет, ни за что на свете! Она справится сама. Должна справиться.

Мара отвернулась, моля небо о том, чтобы люди в карете дремали. Или, даже если они и смотрели из окна, чтобы заметили всего лишь босоногую девицу, завернутую в одеяло. Таких в Лондоне полно, и до них никому нет дела.

Хотя сегодня ей так везло, что в карете наверняка могли оказаться милосердные святые, движимые состраданием к падшим женщинам.

Но, к счастью, карета проехала мимо, осветив фонарями мостовую и ограду сначала слева, а затем справа от девушки, и Мара вновь осталась одна в беспокойной, опасной темноте.

Ей хотелось спрятаться где-нибудь, но она заставила себя пойти дальше. После небольшой передышки девушка еще острее стала чувствовать грубую брусчатку, рвущую ее шелковые чулки, камни, царапающие ступни, и, что хуже всего, что-то липкое и склизкое, попадающее иногда под ноги.

Холодно не было, но Мару трясло от страха. Лондон, как оказалось, вовсе не засыпал после полуночи, а, наоборот, был полон жизни. Девушка услышала мяуканье кошки, тихое шуршание, скорее всего, крысы, но самыми страшными для нее были звуки, говорящие о присутствии людей: музыка и голоса, доносящиеся из какой-нибудь таверны.

В прошлом этот район, прилегающий к Сент-Джеймскому дворцу, был самым престижным в Лондоне. Здесь и теперь сохранилось немало прекрасных улиц, но среди них, переплетаясь, как червоточины в яблоке, лежал лабиринт упадка, порока и насилия.

Эх, вот бы оказаться в Мейфэре, где газовые фонари праздновали победу над тьмой! Здесь же горели только лампы возле домов зажиточных людей. Их неяркого света не хватало даже на то, чтобы разглядеть, что происходит прямо под ногами — а там кто-то постоянно шуршал и копошился.

Дом ее сестры Эллы в Мейфэре был слишком далеко. До него была по меньшей мере миля. Если пораненные ноги Мары и могли справиться с такой дорогой, то ее нервы не выдержали бы точно. Конечно, можно было попробовать добраться до Грейт-Чарлз-стрит, до дома графа Йоувила, там ей всегда помогут...

И тут она услышала голоса. Мужские грубые голоса и громкий смех. Они приближались.

Мара не могла допустить, чтобы ее застали в таком виде: под одеялом не было ничего, кроме корсета и нижней рубашки. Девушка в отчаянии огляделась по сторонам, ища укрытия.

По правую и левую стороны от нее тянулись сплошные ряды домов, перед каждым домом была металлическая ограда, охраняющая спуск к двери в подвал. Она толкнула ближайшую калитку, но, как и следовало ожидать, та оказалась заперта. Мужчины уже повернули на улицу. Их было четверо.

Мара притаилась, благословляя темноту, царившую вокруг. Девушка изо всех сил толкнула следующую калитку и чуть было не упала, когда та на удивление легко откры-

лась. Слава тебе, Господи! Оступаясь на крутых ступеньках, она спустилась к подвальчику чьего-то дома и спряталась в густой тени.

Она чуть не задохнулась от вони. Должно быть, где-то валялось дохлое животное, издававшее этот сладковато-приторный запах. Девушка постаралась затаить дыхание, пока тяжелые ботинки и громкие голоса не уберутся подалее. Она не понимала ни слова из того, что говорили мужчины, такой сильный у них был акцент, но вздрогнула от страха, когда раздался очередной раскат хохота.

Несмотря на вонь, ей не хотелось покидать свое убежище, но выхода не было: при дневном свете ее положение станет еще хуже. Да еще и служанка не спит, ждет ее дома, чтобы впустить обратно. Если она не вернется этой ночью, Рут запаникует. Она расскажет обо всем Элле и Джорджу, а те расскажут ее семье, и тогда ее вынудят вернуться домой в Брайдсуэлл. И хотя Брайдсуэлл сейчас казался ей раем, Маре вовсе не хотелось, чтобы все узнали о ее безрассудстве.

Она сможет выбраться из этой ситуации без лишних проблем. Она должна.

Мара вскарабкалась по крутым ступенькам на пустынную улицу, добежала до угла и взглянула на надпись на доме. Аппер-Эли-стрит! Она знала, где сейчас находится.

Это недалеко от Сент-Джеймс-сквер и Кинг-стрит, где зал для приемов клуба «Олмак», а Дэр жил на соседней улице.

Лорд Дариус Дебнем, младший сын графа Йоувилла, был близким другом Саймона, брата Мары. Дэр много лет подряд гостил в Брайдсуэлле во время каникул.

На днях Мара и Элла встретили его в Сент-Джеймском парке, и он сказал, что теперь живет в Йоувил-Хаусе. Он даже сообщил, что его родители в отъезде. Где-то в Отленде или Чизике.

Она покачала головой. Какая разница? Дэр был поблизости, и она могла доверять ему, как брату. Дэр поможет ей выбраться из этой передряги и, возможно, даже согласится ни о чем не рассказывать Элис и Джорджу.

Она поспешила вперед, стараясь держаться в тени. Следующая улица оказалась Грейт-Чарлз-стрит. Слава богу!

Особняк Дебнемов должен был быть хорошо заметен, но от волнения, да еще и в сумерках, она ничего не могла разобрать. Все дома казались одинаковыми.

И тут она его увидела — массивный фасад с единственной дверью.

Она перебежала улицу, но ее радость тут же испарилась: в Йоувил-Хаусе не горело ни одно окно и вообще не было никаких признаков жизни.

Дэр, наверное, уже давно лег спать. Он еще не полностью оправился от ранений, полученных при Ватерлоо. К тому же была еще одна проблема. Разве опиум не делает сон людей крепче?

Днем леди Мара Сент-Брайд могла бы просто постучать. Теперь же, даже если ей и удастся разбудить кого-нибудь из слуг, они просто захлопнут дверь у нее перед носом.

Но и дальше идти она не могла. Ступни болели, колени подгибались, а сердце было готово выпрыгнуть из груди.

Мара посмотрела на четыре этажа темных окон. Даже если бы она и знала, какое из них принадлежит спальне Дэра, вряд ли смогла бы добросить до него камень.

Девушка присела на нижнюю холодную ступеньку крыльца и тихо заплакала.

Если бы она осталась дома в Брайдсуэлле, этого бы не произошло. Там вообще никогда не происходило ничего нового, и там у нее были друзья, семья и привычные занятия. Но даже если бы она и попала в неприятную ситуацию, там в любом доме ей бы помогли и не раздули из этого скандал.

Мара вздохнула и поднялась. В конце концов, она сама заварила эту кашу, самой ей придется ее и расхлебывать. Раз уж нужно идти пешком до Гросвенор-сквер, то так она и сделает.

Совсем рядом послышались тяжелые шаги, кто-то пошел к дому.

Прятаться было некуда.

Мара крепко зажмурилась, словно это могло сделать ее невидимой.

— Вам помочь? — сказал кто-то мягко.

Голос был ей до боли знаком, и Мара тут же почувствовала себя в безопасности.

— Дэр! О, слава богу, Дэр! Я попала в такую передрыгу! Ты должен мне помочь... — Она начала всхлипывать и никак не могла остановиться.

— Мара! Что с тобой, детка?.. Впрочем, молчи. Давай быстрее в дом. Там поговорим.

В прихожей при свете свечи Мара смогла рассмотреть Дэра. На нем была самая обычная одежда, вовсе не вечерняя.

Голова у нее кружилась, и она все плотнее укутывалась в одеяло, словно оно могло помочь ей не упасть. Теперь она в безопасности. Дэр ее спасет.

— Это как бой с быком, правда? — тихо спросила Мара.

— В смысле? — Дэр удивленно поднял брови.

— Ну, помнишь? Я попыталась устроить бой с быком, как это делают испанцы. Ты меня тогда спас. И сейчас... сейчас тоже...

Он посмотрел на ее босые ноги, неодобрительно покачал головой, нахмурился, подхватил ее на руки и понес наверх.

— Придется пойти в мою спальню. Ни о чем не волнуйся, Чертенок, я и на этот раз со всем разберусь.

Чертенок.

Это прозвище успокоило Мару еще больше. Так он называл ее в те золотые дни, когда она была ребенком, а он — самым красивым молодым человеком, которого она знала.

Она прижалась лицом к его груди и постаралась больше не плакать. Теперь она в безопасности. Словно нашла приют у одного из своих братьев. Даже лучше. Дэр никогда не станет ругаться и упрекать ее, как это обязательно сделали бы Саймон или Руперт. И уж разумеется, он ни слова не скажет ее отцу.

Он открыл одну из дверей и усадил ее на высокую кровать.

— Снимай то, что осталось от твоих чулок, и мы тебя вымоем. — Он пошел к умывальнику.

Его голос прозвучал так холодно, словно она вызывала у него отвращение. Так скорее всего и было. Она и сама у себя вызывала отвращение. В конце концов, ей же восемнадцать, а не двенадцать. Она была слишком взрослой для подобных глупостей. Он должен считать ее настоящим сорванцом, к тому же на этот раз она столкнулась не с быком, а с намного более опасным существом — женщиной.

Она вздохнула и аккуратно скатала свои шелковые чулки. Они были украшены цветочной вышивкой и стоили уйму денег, но теперь были погублены. Точно так же, как чуть было не погибла она сама.

— Сняла, — сказала она прерывающимся голосом и вновь закуталась в одеяло. — Но мне нужно попасть домой, Дэр. Сейчас. Ты можешь...

— Только после того, как посмотрю твои ноги. — Он повернулся и подошел к ней. В руках у него были тазик с водой, мягкая тряпочка и полотенце, которое он расстелил на покрывале. — Клади сюда ноги.

Она выполнила приказание, все еще сжимая в руке грязные, порванные чулки. Уж лучше бы он ругался и упрекал ее, как это сделал бы Саймон. Как же Маре хотелось, чтобы Дэр Дебнем видел в ней сейчас молодую леди, взрослого человека, заслуживающего уважения!

Дэр протянул руку, и она неохотно положила в нее чулки. Он бросил их в огонь, присел у ее ног и внимательно изучил каждую.

— Крови нет. — Он поднял взгляд и пристально посмотрел на нее своими ярко-голубыми глазами. — Итак, что случилось, Чертенок?

Мара вдруг поняла, отчего Дэр напрягся и что он больше всего опасается услышать в ответ.

— О! Ничего в этом роде, Дэр. Я убежала.

Он заметно расслабился.

— Так откуда тебе пришлось убежать? — спросил он, промокая ее ноги смоченной в воде тряпочкой.

— Тебе вовсе не обязательно это делать. Мыть мои ноги.

— Не пытайся увильнуть от разговора. Перед каким быком ты на этот раз помахала красной тряпкой?

— Я не виновата, — возразила она, но затем состроила гримасу. — Хотя, наверное, виновата. Я ушла из дома Эллы и отправилась с майором Баркстедом в игровой зал.

Его руки замерли.

— Но зачем?

Она потупила взгляд и увидела, какими грязными были ее руки. Один ноготь был сломан.

— Я и сама не знаю, Дэр. Наверное, мне просто стало скучно.

К ее удивлению, он рассмеялся:

— Зря твоя семья допускает, чтобы у такого постреленка с дьявольскими волосами, как ты, было свободное время.

— Скорее всего больше они такой ошибки не совершат...

Дьявольские волосы. Так ее семья называла темные волосы с рыжими прядками. Они в лучшем случае предвещали тягу к приключениям, в худшем — катастрофу. Дьявольские волосы — большая редкость, но в их семье было два отпрыска, отмеченных подобным образом.

Первым был Саймон. Когда на свет появился второй ребенок, родители попытались отогнать дьявола и назвали девочку Адемарой. Она бы предпочла быть Люси, Сарой или Мэри с традиционными каштановыми волосами семьи Сент-Брайд и спокойным характером. Но, как говорится, от судьбы не уйдешь.

Дэр прополоскал грязную тряпку и продолжил обтирать ее ноги.

— И кто этот Баркстед? Я так понимаю, он неподходящий поклонник?

— А вот и нет! То есть он не совсем поклонник, я встречала его дома у Эллы несколько раз. Он член парламента. Из Нортумберленда.

— Никогда не доверяй политикам, — наставительным тоном заметил Дэр. — Так ты сбежала из игрового зала?

Ей не хотелось врать Дэру, и она горестно вздохнула:

— Нет. Из его комнат.

Его взгляд был беглым, холодным и презрительным.

— Я знаю, знаю! Сейчас я сама не понимаю, зачем я вообще с ним пошла. Просто я раньше никогда не играла в зале и хотела попробовать...

— Кто тебя там видел?

— В зале? Многие, но на мне была маска, а Баркстед не называл меня по имени. Он звал меня «моя дама червей», после чего я несколько лет не смогу играть в карты.

Она постаралась сказать это задорно, но Дэр не улыбнулся.

— Тебя любой узнает по цвету волос.

— На мне был тюрбан.

Он одобрительно кивнул и продолжил заниматься ее ногами.

— Рассказывай дальше, — сказал он. — И ничего не скрывай.

— Баркстед был настоящим джентльменом весь вечер. Он мне понравился. Он настоящий военный герой и намного занимательнее большинства знакомых Джорджа. Обычно я неплохо разбираюсь в людях, ты же знаешь.

— И?.. — Он был неумолим.

Она сердито посмотрела на него, хотя он ее и не видел. Скорее всего она и не стала бы этого делать, если бы он смотрел на нее в этот момент. Она поняла, что боится его.

— Мы играли некоторое время, — сказала она. — Он пил и предлагал мне, но когда я отказывалась, он не настаивал. Уж мне-то известно, как некоторые пытаются подполить человека, чтобы обобрать его как липку.

— Правда? Но тебе в голову не пришло, что можно потерять что-то более важное, чем деньги?..

— Нет. Ему же уже под сорок!

Наконец-то он был готов рассмеяться.

— Я полагаю, что он вел себя так, словно и не подозревал о своем пожилом возрасте?

— Но ведь мужчины часто так делают, не правда ли? Он сделал мне предложение.

Наконец-то она полностью завладела его вниманием.

— Что?

— Предложение. Он попросил меня выйти за него замуж. Нет... он сказал, что мы поженимся. Что мое пребывание в его комнатах ничего не значит, поскольку мы скоро поженимся. Разумеется, я ему отказала. Вежливо, — добавила она.

Его глаза вновь стали холодными.

— В его защиту могу сказать, что ты по своей воле пошла в его комнаты ночью.

— Но это вовсе не означает, что я хочу выйти за него замуж.

Девушка попыталась вырвать ногу из рук Дэра, но он сжал ее крепче и начал протирать между пальцами. Это оказалось Маре очень интимным занятием.

— Тебе и вправду не обязательно заниматься этим, Дэр!

— Не могу же я позвать прислугу! И что же случилось дальше? Я же не слепой и вижу, что на тебе слегка не хватает одежды.

Ее охватила удушающая волна стыда. Покраснели даже пальцы на ногах.

— Он встал на колени и заверял меня в своих чувствах. Он говорил, что будет заботиться и боготворить меня. Я не знала, что делать, поэтому я сказала, что не могу выйти за него, поскольку мои родители никогда не позволят мне уехать из Брайдсуэлла. Это правда, ты же знаешь, да и я никогда не пойду на это. Вместо того чтобы сдаться, он принял это за вызов и заявил, что мы должны... отправиться в кровать, чтобы принудить их согласиться.

В его взгляде читался недвусмысленный вопрос.

— Разумеется, ничего не было! Я не устаю повторять это тебе! Но Баркстеда это только раззадорило. Он сказал, что это доказывает, что я целомудренная леди, несмотря на мое легкомысленное поведение. А потом решил, что если я просто проведу там ночь, это тоже сработает. Рано утром он отошлет записку, где будет сказано, что мы хотим пожениться и провели ночь вместе. Я сказала, что моя служанка ждет меня и поднимет тревогу задолго до этого, но на него это не произвело никакого впечатления. Никакие

мои доводы не действовали. Это все, — недовольно добавила она, — из-за того, что папа стал графом Марлоу. Никогда бы он не стал себя вести столь по-идиотски с самой обыкновенной мисс Сент-Брайд из Брайдсуэлла.

— Ты недооцениваешь свои чары.

Это было сказано очень сухо, но для Мары слова Дэра прозвучали как райская музыка.

— Правда? У меня было много поклонников, но ни один еще не сходил так по мне с ума.

— Ни одного сумасшедшего? Как ужасно! И что же произошло потом? Как получилось, что ты оказалась без платья?

Вот это ей, наверное, никогда не удастся объяснить.

— Он снял его. Я допустила ошибку и прямо сказала, что сбегу. Вот он и настоял на том, чтобы я сняла платье и туфли. Я не могла сопротивляться или кричать, иначе меня бы обнаружили. Ты же понимаешь?

— Да. И что случилось дальше?

Мара решила опустить то, как Баркстед смотрел на ее корсет и как поцеловал, распуская слюни, прежде чем затолкнуть ее в свою спальню.

— Он запер меня в своей спальне, — сказала она.

— На каком этаже?

— Всего лишь на втором. И там были простыни, из которых я смогла сделать веревку.

— Как ты и говорила, он тупица.

— Потому что он не понял, что я сбегу даже без туфель и платья?

— Потому что не понял, что кто-то его убьет.

Мара резко выпрямилась.

— Никаких дуэлей!

— Тебя никто не спрашивает.

— Как же так? — Она вырвала ногу у него из рук. — Я не допущу этого, Дэр. Не допущу! Я не позволю, чтобы ты или Саймон пострадали из-за моей глупости. Я даже не хочу, чтобы Баркстеда убили. В конце концов, здесь есть и моя вина.

— Он проходимец, Мара.

Она взглянула на его полное решимости лицо, и ей захотелось заплакать от отчаяния. Но, будучи сестрой с большим стажем, она попробовала вызвать его сострадание.

— Пожалуйста, Дэр. Из-за дуэли об этом случае все узнают, и пострадает моя репутация. Пожалей меня! Прошу!

Он на мгновение прикрыл глаза.

— Хорошо. Но ты же не будешь возражать, если я велю ему держаться подальше от тебя и дальнейших неприятностей?

— Я буду тебе очень благодарна. И, — добавила она, — никому ведь больше не надо знать. Ты же не скажешь Саймону?

— Раз уж ты не хочешь, чтобы Баркстед умер, то говорить твоему брату с дьявольскими волосами определенно не стоит. Но твоему отцу сказать не мешало бы. Может быть, хоть он вобьет в твою голову немного разума.

— Нет, Дэр! — Она порывисто прикоснулась к его руке. — Заверяю тебя, я выучила свой урок. Я больше никогда не сделаю ничего подобного. Мне было очень скучно, вот я и натворила глупостей.

Он отстранился, и их руки разъединились.

— Разве Джонсон не говорил, что человек, уставший от Лондона, устал от жизни?

— Я не устала от него. Просто у меня еще не было даже шанса с ним познакомиться. Элла ждет ребенка. И ей не до развлечений. Единственные гости у них с Джорджем — это замужние дамы, такие как Элла, которые разговаривают только о мужьях и женах, да знакомые Джорджа по правительству, которые обсуждают хлебные законы, мятежи и разорительную стоимость армии. Все это очень важно, не сомневаюсь, но ужасно скучно.

— Не забудь про этого военного, Баркстеда. Полагаю, он красив и привлекателен?

— Для человека его возраста. — Она чуть было не добавила «Он был при Ватерлоо», но передумала. Именно там Дэр получил свое ужасное ранение. — Он водил меня в Музей восковых фигур, в Египетский зал. И ему известны все лучшие скандалы.

Он поднялся на ноги и бросил тряпку в тазик.

— Тебе нужно найти какую-нибудь веселую даму, которая бы сопровождала тебя повсюду.

Было ясно, что он не одобряет посещение Музея восковых фигур, Египетского зала и особенно скандалов. Неужели он и впрямь стал таким занудой?

Внезапно ей захотелось вернуть старого Дэра, увидеть его прежнюю улыбку — дикую, яркую и такую заразительную. Она хотела, чтобы он пошутил, предложил какую-нибудь сумасшедшую проделку и позвал ее присоединиться к нему.

Ему было всего лишь двадцать шесть. Конечно, война, раны и другие проблемы сломили его дух, но ведь никогда не поздно начать жить заново.

Он все еще был стройным, но стал сильнее, с широкими плечами и крепкими мускулами. Его лицо тоже преобразилось. В изгибе губ и в глазах появилась уверенность. А светло-каштановые волосы были пострижены по последней моде, а не разбросаны по воротнику, как он носил их в дни своей молодости.

Может быть, ему и идет сдержанность...

Он приподнял бровь, как бы удивляясь, о чем это она думает. Девушка попыталась встать с кровати.

— Мне и вправду нужно попасть домой, Дэр. Иначе моя служанка поднимет шум.

— Подожди минутку. Я найду тебе что-нибудь из одежды Теи.

Он вышел, а Мара наконец-то смогла восстановить дыхание и собраться с мыслями.

Глава 2

Тея была леди Доротея Дебнем, младшая сестра Дэра. Мара читала о ее представлении в свете прошлой весной. Все связанное с Дэром вызывало ее интерес. Даже о том, что его нашли живым, Сент-Брайды узнали из газет. Целый год сын герцога Дебнема считался погибшим при Ватерлоо.

Газеты печатали полную историю: как его лошадь погибла под ним от пули, а самого всадника затоптала конница, переломав ему несколько ребер и нанеся опасную черепную травму, отчего он на довольно долгое время потерял память и даже не знал, кто он такой.

За ним ухаживала добрая бельгийская вдова, которая давала ему опиум, чтобы облегчить страдания, но дозы были такими большими и это продолжалось так долго, что он в конце концов пристрастился к наркотику.

Мара понимала это. Как можно наблюдать за страданиями другого, когда облегчение под рукой? Но стоит только привыкнуть к опиуму, отказаться от него становится очень трудно.

Она спрашивала их семейного доктора о шансах Дэра, но доктор Уорбетнот лишь качал головой:

— Год на опиуме? Большие дозы? Лучше так и продолжать, дорогая. Видите ли, опиум так действует на организм, что становится необходим для его нормального функционирования. Внезапный отказ от опия может убить, а если не убьет, то физическая боль способна свести беднягу с ума.

Она была шокирована.

— Но ведь некоторым людям удастся освободиться.

— Очень немногим, по моему опыту.

— А как насчет системы постепенного отказа? — настаивала она. — Той, что использует лорд Дариус.

— Я ни разу не видел ее в действии, но у меня есть серьезные сомнения. У кого хватит сил для постоянной пытки, да и к чему все это? Если у человека достаточно смелости, он решает принимать ровно столько опиума, сколько необходимо для жизни. Существует немало мужчин и женщин из добропорядочных и даже зажиточных семейств, дорогая, которые именно так и живут. Тут нечего стыдиться.

Прогноз доктора огорчил Мару. Но она знала характер Дэра! Он не из тех парней, кто бы смирился со своей участью. Зачем бы иначе он жил в Лондоне, стараясь вести нормальный образ жизни? Так бы и прозябал себе дальше в уединении в Лонг-Чарте, поместье его семьи в Сомерсете, куда его привезли, обнаружив живым...